

Владимир Кожедеев

Стекло и свет:

Петербургский детектив. Книга 2

Владимир Кожедеев

Стекло и свет: Петербургский детектив. Книга 2

<https://litres.ru/74296793>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург. Конец XVIII — начало XIX века. Империя на грани перемен, а в старинном роду Юсуповых веками живет проклятие: в каждом поколении до зрелого возраста доживает лишь один сын. Остальные умирают в младенчестве или юности. Легенда гласит, что виной всему — проклятый султановский алмаз, который приносит смерть владельцу и его наследникам.

Михаил Вронский — сын управляющего именем Юсуповых. С раннего детства он наделен редким даром: он видит то, что другие предпочитают не замечать. Он слышит то, о чем молчат стены. Он собирает правду по крупицам, как коллекционер — драгоценные камни.

Когда в усадьбе происходит загадочное убийство, а затем исчезает легендарный алмаз, Миша оказывается в центре опасной игры, где ставки — не только богатство и власть, но и судьба России. Вместе с верным другом Алешкой Строгановым и возлюбленной Соней Юсуповой он начинает расследование, которое приведет его к разгадке древнего проклятия.

Но правда оказывается страшнее любой легенды.

Содержание

Глава 1. Гость из прошлого	5
Глава 2. Смерть архивариуса	27
Глава 3. Соня и ее школа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владимир Кожедеев

Стекло и свет:

Петербургский

детектив. Книга 2

Глава 1. Гость из прошлого

Осень 1816 года пришла в Петербург с той особенной, щемящей меланхолией, которая свойственна северной столице после долгих, изнурительных лет войны и потрясений. Небо было низким, серым, как старая, выцветшая фланель, и тяжелые тучи висели над городом, обещая бесконечные дожди, которые уже начали моросить, превращая гранитные набережные в зеркальные полосы, отражающие серость неба. Листья на деревьях пожелтели и начали опадать, кружась в сыром, пронизывающем ветре, который дул с Финского залива, принося с собой запах соли и гниющих водорослей.

В доме Юсуповых на набережной Мойки царила тишина — не та гнетущая, траурная тишина, которая висела здесь годами, а тишина спокойного, выстраданного равновесия. Борис Николаевич Юсупов, полностью оправившийся от яда, теперь редко появлялся в городе, предпочитая жить

в своем подмосковном имении, где воздух был чище и где можно было не думать о придворных интригах. Дом на набережной был передан в распоряжение Миши как главе тайной канцелярии — это была скромная, но почетная дань уважения за спасение рода.

Миша Вронский стоял у высокого окна в своем кабинете, глядя на Неву, которая казалась свинцовой под тяжелым небом. Дождь стекал по стеклу тонкими, прозрачными струйками, и за ними мир казался размытым, нереальным — как воспоминание, которое постепенно ускользает. Его отражение в стекле было бледным, с глубокими тенями под глазами, которые стали еще заметнее за последний год. Ему было тридцать два года, но он выглядел старше — как человек, который слишком много видел, слишком много знал и слишком много пережил.

Он был одет в простой, но строгий сюртук темно-серого цвета, сшитый из плотного английского сукна, с высоким стоячим воротником, который подчеркивал его худобу. На его пальце — левой руке, безымянном пальце — теперь было простое серебряное кольцо без камня, которое он носил в память о том, что было и что стало. Это кольцо он заказал у мастера вскоре после того, как разбил алмаз на мраморной лестнице дома Писемского. На внутренней стороне кольца была выгравирована фраза: «Ищи правду, даже если она разбита».

Его руки, худые, с длинными пальцами, привыкшими к

перу и бумаге, лежали на подоконнике. На одной из них, на тыльной стороне, виднелся старый шрам — след от пореза, полученного в той давней драке с Алешкой в трактире «Медвежий угол». Шрам был бледным, почти незаметным, но Миша знал, что он никогда не исчезнет — как никогда не исчезнет память о том, что они пережили вместе.

В углу кабинета, у камина, стоял Алешка Строганов. Он опирался на свою трость из черного дерева с серебряным набалдашником, и его лицо было хмурым, как небо за окном. Он был одет в свой неизменный мундир сыщика особых поручений — темно-синий, с серебряными пуговицами и золотыми эполетами, которые поблескивали в свете камина. Левая рука его, отсутствующая, была скрыта под аккуратно застегнутым рукавом, и он привычно опирался на трость, уже не замечая неудобства.

— Ты слышал новость? — спросил Алешка, и его голос был глухим, как у человека, который не хочет произносить то, что должен сказать.

— Какую? — спросил Миша, не оборачиваясь.

— Друцкого помиловали, — сказал Алешка, и его голос дрогнул. — Он возвращается в Петербург. Ему позволено жить здесь, под надзором полиции.

Миша медленно повернулся. Его лицо оставалось непроницаемым, но в его глазах, светлых, почти бесцветных, мелькнула холодная искра — та самая искра, которая появлялась у него, когда он чувствовал приближение опасности.

— Кто его помиловал? — спросил он, и его голос был ровным, как поверхность воды, в которой нет ветра.

— Неизвестно, — ответил Алешка, пожимая плечом. — Говорят, кто-то из высоких покровителей ходатайствовал за него. Может быть, кто-то из старых связей. Может быть, кто-то из тех, кто был в масонской ложе.

— Это плохо, — сказал Миша, и его голос стал холоднее. — Это очень плохо. Друцкой не из тех, кто прощает. Он вернется, чтобы отомстить. Он вернется, чтобы забрать то, что считает своим.

— Но у него ничего нет, — сказал Алешка. — Мы разбили алмаз. Мы разрушили его планы. Что он может сделать?

— Он может найти новый алмаз, — сказал Миша, и его голос был тихим, как шепот ветра. — Или что-то, что замечит его. Друцкой не верит в поражение. Он верит только в победу. И он готов на все, чтобы ее достичь.

Алешка подошел к столу и положил на него письмо — сложенный вчетверо лист бумаги, запечатанный черным сургучом.

— Это пришло сегодня утром, — сказал он. — Без подписи. Только твое имя на конверте. И печать без герба.

Миша взял письмо и посмотрел на печать. Сургуч был черным, матовым, без всякого оттиска — только гладкая, холодная поверхность, как у человека, который не хочет оставлять следов. Он развернул письмо дрожащими пальцами и прочитал его. Там была всего одна фраза, написанная разма-

шистым, нервным почерком, который он узнал бы из тысячи.

«Ты разбил стекло, но не убил меня. Я вернулся. Жди.»

Миша сжал письмо в руке и посмотрел на Алешку. Его лицо было спокойным, но в его глазах горел холодный, ледяной огонь.

— Это от него, — сказал он. — Друцкой вернулся. И он знает, что мы разбили не настоящий алмаз. Он знает, что мы нашли сапфир.

— Откуда он может знать? — спросил Алешка, и его голос стал напряженным.

— Он всегда знал, — сказал Миша, и в его голосе была та же сталь, что и в детстве. — Друцкой никогда не был дураком. Он просто ждал своего часа. И теперь этот час настал.

Он подошел к камину и бросил письмо в огонь. Бумага вспыхнула, закрутилась черным пеплом и исчезла, унесенная дымом в трубу. Миша смотрел на пламя, и его лицо было непроницаемым.

— Мы должны быть готовы, — сказал он. — Друцкой не появится на людях. Он будет действовать из тени. Он будет искать сапфир. И он не остановится ни перед чем.

— Мы остановим его, — сказал Алешка, и в его голосе была сталь. — Мы остановили его один раз. Остановим и второй.

— Я надеюсь, — сказал Миша, и его голос был тихим. — Я очень надеюсь.

Следующие дни прошли в напряженном ожидании. Миша

работал в своей канцелярии, перебирая бумаги, но его мысли были далеко — он думал о Друцком, о том, где он сейчас, что он делает и когда нанесет удар. Он знал, что Друцкой не будет сидеть сложа руки. Он знал, что тот будет искать способ отомстить.

Он начал собирать информацию — через своих агентов, через знакомых в полиции, через старые связи. Он узнал, что Друцкой действительно вернулся в Петербург, что он поселился в доме на Васильевском острове, что он редко выходит на улицу и ни с кем не встречается. Но Миша знал, что это не значит, что Друцкой ничего не делает. Он просто ждет. Как змея, затаившаяся в траве.

Однажды вечером, когда он сидел в своем кабинете и работал при свете свечи, дверь открылась, и вошла Соня. Она была одета в темное платье из плотной шерсти, с высоким воротником, который делал ее похожей на монахиню. Ее лицо было бледным, и в ее глазах была тревога.

— Ты слышал новость? — спросила она, и ее голос дрогнул.

— О Друцком? — спросил Миша, не поднимая глаз. — Да. Я слышал.

— Он вернулся, — сказала Соня, и в ее голосе была та же тревога, что и у Миши. — Я слышала, как люди говорят об этом на базаре. Они говорят, что он изменился, что он стал другим.

— Он не изменился, — сказал Миша, поднимая глаза и

смотря на нее. — Он просто стал более осторожным. И более опасным.

Соня подошла к столу и села напротив него. Ее руки, тонкие и бледные, лежали на столе, и она нервно перебирала перо, которое лежало рядом.

— Что мы будем делать? — спросила она.

— Мы будем ждать, — сказал Миша. — Мы будем ждать, пока он сделает первый шаг. А потом мы ударим.

— А если он не сделает первый шаг? — спросила она. — Что, если он будет ждать годами?

— Он сделает шаг, — сказал Миша, и в его голосе была уверенность. — Друцкой не может ждать долго. Его одержимость сильнее его терпения. Он придет за сапфиром. Он придет за правдой. И когда он придет, мы будем готовы.

Они смотрели друг на друга, и в их глазах была та же сталь, что и в детстве. Они знали, что их борьба только начинается. Но они также знали, что они вместе.

Прошла неделя. Миша продолжал работать, но он чувствовал, как напряжение растет с каждым днем. Он знал, что Друцкой ждет своего часа. Он знал, что удар будет нанесен в самый неожиданный момент.

Однажды ночью, когда он сидел в своем кабинете и перебирал бумаги, он услышал тихий стук в дверь — три удара, выдержанные с той точностью, которую он знал. Он встал, подошел к двери и открыл ее.

На пороге стоял человек в темном плаще, с низко надви-

нутым капюшоном, который скрывал его лицо. В руках он держал небольшой конверт, запечатанный черным сургучом.

— Вам письмо, — сказал он, и его голос был глухим, как у человека, который не хочет быть узнанным.

Миша взял конверт и посмотрел на печать. Сургуч был черным, матовым, без всякого оттиска — такой же, как на том письме, которое он сжег в камине.

— Кто вас послал? — спросил он, но человек уже исчез в темноте коридора, и его шаги затихли в ночи.

Миша закрыл дверь, подошел к столу и сел. Он долго смотрел на конверт, чувствуя его тяжесть в руках, а затем развернул его. Внутри лежал листок бумаги с той же размашистой, нервной подписью.

«Ты думаешь, что защитил их? Ты думаешь, что спас Россию? Ты ошибся. Настоящая игра только начинается. Я знаю, где ты спрятал сапфир. Я знаю, что ты не уничтожил его. И я вернусь за ним. Жди меня.»

Миша сжал письмо в руке и почувствовал, как холодный, ледяной страх пронизывает его тело. Он знал, что это не угроза. Это было обещание.

Он подошел к камину и снова бросил письмо в огонь. Бумага вспыхнула и исчезла, но Миша знал, что слова останутся с ним навсегда.

— Я жду, — прошептал он, и его голос был холоден, как лед. — Я жду тебя, Друзькой.

На следующее утро Миша встретился с Алешкой и Соней

в кафе на Невском проспекте, в том самом, где они часто собирались в прошлом. Кафе было полупустым, и они сидели в углу, за своим любимым столиком, и их лица были серьезными.

— Я получил еще одно письмо, — сказал Миша, и его голос был ровным, как поверхность воды. — Он знает о сапфире. Он знает, что я не уничтожил его. И он придет за ним.

— Как он может знать? — спросил Алешка, и его голос был напряженным.

— Я не знаю, — ответил Миша, качая головой. — Но он знает. И это значит, что у него есть информатор. Кто-то, кто знает правду, и кто говорит ему.

— Кто может знать? — спросила Соня, и в ее глазах была тревога.

— Только мы трое, — сказал Миша. — Только мы и те, кто был там в ту ночь. Но я не верю, что кто-то из нас мог предать.

— Тогда это кто-то другой, — сказал Алешка. — Кто-то, кто знает больше, чем мы думаем.

— Я найду его, — сказал Миша, и в его голосе была сталь. — Я найду его, чего бы это ни стоило.

Они смотрели друг на друга, и в их глазах была та же решимость, что и в детстве. Они знали, что их борьба только начинается. Но они также знали, что они вместе.

В ту же ночь, в доме на Васильевском острове, Феликс Друцкой стоял у окна и смотрел на Неву. Его лицо было

бледным, как смерть, и в его глазах горел тот же холодный, безумный огонь, что и раньше. Он был одет в простой черный сюртук, потертый на локтях, с высоким стоячим воротником, который подчеркивал его худобу. Его руки, длинные и худые, с выступающими суставами, были сжаты в кулаки так, что костяшки побелели. Он был почти неузнаваем — от прежнего блестящего, самодовольного графа осталась лишь тень, призрак, одержимый одной-единственной идеей: местию.

Он знал, что Миша Вронский получил его письмо. Он знал, что тот готовится к бою. Но он также знал, что это только начало, лишь первый акт драмы, которую он писал уже два года.

В его памяти всплыли картины ссылки — те долгие, темные годы в Сибири, которые изменили его навсегда, выковав из него нечто новое, более опасное и более холодное.

Сибирь, город Тобольск. Декабрь 1814 года.

Ссылка началась в день, когда его вывели из Петропавловской крепости и посадили в железную клетку на колесах. Это была не карета, а настоящая тюремная повозка, обитая изнутри железом, с маленьким, зарешеченным окном, через которое проникал лишь слабый, серый свет. Внутри пахло сыростью, плесенью и чужим страхом, который въелся в деревянные скамьи и соломенные тюфяки.

Дружкой сидел, скованный по рукам и ногам тяжелыми кандалами, которые натирали кожу до крови. Он чувствовал,

как холодный металл впивается в его запястья и лодыжки, как кровь стекает по коже, смешиваясь с потом и грязью. Его лицо было бледным, осунувшимся, но в его глазах горел тот же огонь — огонь ненависти, огонь одержимости.

Он не разговаривал с другими заключенными. Они были для него никем — просто тенями, которые мелькали за решеткой. Он смотрел в маленькое окно на бесконечные снежные равнины, которые тянулись до горизонта, и думал о том, что он должен сделать, чтобы вернуться. Он думал о Мише Вронском, о Соне Юсуповой, о том, как они разрушили его планы, как они разбили его алмаз, как они отняли у него все. И в его сердце росла ненависть, которую ничто не могло утолить.

— Граф, вы не хотите есть? — раздался голос сбоку. Один из заключенных, старый, седой мужчина с лицом, изрезанным морщинами, протягивал ему кусок черного хлеба. — Вы уже три дня ничего не ели. Так можно и умереть.

— Я не умру, — ответил Друзкой, и его голос был холоден, как лед. — Я выживу. Я должен выжить.

— Для чего? — спросил старик, и в его глазах мелькнуло любопытство.

— Чтобы отомстить, — сказал Друзкой, и его голос стал тверже. — Чтобы вернуть то, что у меня отняли.

Старик ничего не ответил. Он просто покачал головой, и его тень на стене задвигалась, как живая, как будто предчувствуя, что Друзкой действительно выживет и вернется.

Тобольск встретил его снегом, морозом и запахом гнилой рыбы, который висел над городом, как проклятие. Его поместили в тюремный острог — низкое, каменное здание с толстыми стенами и маленькими, зарешеченными окнами, сквозь которые едва проникал свет. Здесь пахло сыростью, плесенью и человеческим страхом, который вьелся в камни, как въедается грязь в старую одежду.

Друцкой жил в камере с тремя другими заключенными — уголовниками и политическими, которые смотрели на него с подозрением и недоверием. Они не знали, кто он, но чувствовали в нем ту особую, холодную опасность, которая отличает хищника от его жертвы.

— Вы граф, — сказал ему один из них, высокий, худой мужчина с татуировками на руках, которые были видны даже в полумраке. — Вы из Петербурга. Вы — один из них. За что вас сослали?

— За то, что я пытался изменить мир, — ответил Друцкой, и его голос был ровным, как поверхность воды. — За то, что я не побоялся поднять руку на тех, кто считает себя выше всех.

— Вы — заговорщик, — сказал мужчина, и в его глазах мелькнула искра интереса. — Я тоже. Я — Егор Громов. Я был солдатом, но меня сослали за то, что я поднял бунт в своем полку. Вы будете здесь долго. Я помогу вам выжить.

Друцкой посмотрел на него долгим, холодным взглядом, и его губы тронула слабая, едва заметная улыбка.

— Я не нуждаюсь в помощи, — сказал он. — Но я благодарю вас за предложение.

— Вы будете нуждаться, — сказал Громов, и в его голосе была уверенность. — Здесь выживают только те, кто умеет ждать.

Прошло несколько месяцев. Друзкой привык к тюремной жизни — к холоду, к голоду, к постоянному унижению, которое было частью его существования. Но он также начал заводить связи. Он узнал, что в Тобольске есть ссыльные декабристы, которые уже начали создавать свои сети, обмениваясь письмами и информацией через доверенных людей.

Одним из таких людей был Андрей Петрович Шувалов — молодой офицер, сосланный за участие в масонской ложе, который имел связи в Петербурге и мог передавать письма через подкупленных надзирателей. Шувалов был худым, бледным, с пронзительными голубыми глазами и руками, которые никогда не были спокойны. Он постоянно что-то писал — письма, записи, дневники, — и его камера была завалена бумагами.

— Вы — граф Друзкой, — сказал Шувалов, когда они встретились в тюремной столовой. — Я слышал о вас. Вы были в масонской ложе. Вы знаете людей, которые нужны нам.

— Кто «нам»? — спросил Друзкой, и его голос был холоден, как лед.

— Те, кто хочет изменить Россию, — сказал Шувалов, и

в его глазах горел тот же огонь, что и у Друцкого. — Те, кто не боится действовать. Мы создаем сеть. Мы обмениваемся информацией. Мы готовимся к тому дню, когда мы сможем вернуться.

Друцкой долго смотрел на него, а затем его губы тронула та же холодная, жестокая улыбка, которая была его визитной карточкой.

— Я помогу вам, — сказал он. — Но вы поможете мне.

— Что вам нужно? — спросил Шувалов.

— Мне нужно знать, что происходит в Петербурге, — сказал Друцкой. — Мне нужно знать, где находится Вронский. Мне нужно знать, что он делает.

— Я могу это сделать, — сказал Шувалов. — У меня есть люди. Они будут передавать вам информацию.

С этого дня начался обмен. Друцкой получал письма из Петербурга — короткие, зашифрованные записки, которые сообщали ему о том, что происходит в столице. Он узнал, что Миша Вронский стал главой тайной канцелярии. Он узнал, что Соня Юсупова открыла школу для глухонемых. Он узнал, что Алешка Строганов стал начальником сыскного отдела. Он знал все об их жизни. И в его сердце росла ненависть, которую ничто не могло утолить.

Он также узнал, что алмаз, который они разбили, был подделкой. Он узнал о сапфире — настоящем камне, который был замурован в гробнице основателя рода Юсуповых. Он знал, что Миша нашел его и спрятал. И он знал, что должен

вернуться, чтобы завладеть им.

Прошло два года. Друцкой сидел в своей камере, перебирая письма, которые он получил от Шувалова, когда к нему пришел надзиратель — толстый, краснолицый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, и руками, которые вечно дрожали.

— Граф, — сказал он, и его голос был напряженным. — У вас есть посетитель.

Друцкой поднял глаза и увидел человека в дорогом сюртуке, который стоял в дверях камеры. Это был князь Сергей Волконский — высокий, худой, с пронзительными серыми глазами и лицом, которое не выражало никаких эмоций. Он был одет в парадный мундир, и его манжеты были украшены золотым шитьем.

— Граф Друцкой, — сказал Волконский, и его голос был ровным, как у человека, который привык отдавать приказы. — Я пришел предложить вам сделку, как ранее вы согласись в переписи, официально.

— Какую сделку? — спросил Друцкой, и в его голосе было холодное любопытство и всплывшее воспоминание, — Ах, да припоминаю.

— Я могу добиться вашего помилования, — сказал Волконский. — Я имею связи при дворе. Я могу вернуть вас в Петербург. Но вы будете работать на меня. Вы будете делать то, что я скажу.

— Зачем вам это? — спросил Друцкой, и его глаза сузи-

лись.

— Мне нужен ваш ум, — сказал Волконский. — Мне нужен ваш опыт. Я знаю, что вы знаете о сапфире. Я знаю, что вы знаете о заговорах. И я хочу, чтобы вы помогли мне.

Друцкой долго смотрел на него, а затем его губы тронула та же холодная, жестокая улыбка, которая была его визитной карточкой.

— Я согласен, — сказал он. — Но у меня есть условие.

— Какое? — спросил Волконский.

— Я хочу найти Вронского, — сказал Друцкой. — Я хочу найти его и уничтожить его. Я хочу, чтобы он заплатил за то, что сделал со мной.

— Это будет сделано, — сказал Волконский. — Я обещаю вам.

Ранее, Санкт-Петербург, особняк на Английской набережной. Осень 1816 года.

Князь Сергей Волконский стоял у высокого окна в своем кабинете, глядя на Неву, которая медленно текла под серым, дождливым небом. Он был высоким, худым, с резкими чертами лица, которые выдавали его аристократическое происхождение, и пронзительными серыми глазами, которые, казалось, видели сквозь людей. Ему было сорок пять лет, но он выглядел моложе — подтянутый, собранный, как человек, который привык управлять своей жизнью и жизнями других.

Он был одет в дорогой сюртук из темно-синего бархата, с серебряными пуговицами и высоким стоячим воротни-

ком, который подчеркивал его длинную, тонкую шею. На его пальце, правой руке, безымянном пальце, поблескивало массивное кольцо с рубином, которое было семейной реликвией рода Волконских. Это кольцо носилось не для красоты — оно было знаком власти, символом того, что он принадлежит к древнему роду, который помнит времена, когда Россия была другой.

Волконский был человеком сложным и противоречивым. С одной стороны, он был верным слугой императора — он носил мундир, посещал дворцовые приемы и никогда не говорил ничего, что могло бы скомпрометировать его перед властями. С другой стороны, он был тайным масоном, членом одной из старейших лож Петербурга, и его душа была полна сомнений и амбиций, которые он тщательно скрывал от посторонних глаз.

Он мечтал о новой России — о стране, свободной от деспотии, о стране, где закон будет выше воли одного человека, о стране, где люди будут жить, по справедливости. Но он также знал, что для этого нужна власть. И он был готов сделать все, чтобы получить ее.

Его путь к власти был долгим и извилистым. Он начал свою карьеру при Екатерине II, служил при Павле, пережил убийство императора и воцарение Александра. Он видел, как рушатся империи, как падают фавориты, как кровь смешивается с грязью на улицах Петербурга. И он понял, что единственный способ выжить — это быть готовым к любым

переменам.

Он вступил в масонскую ложу в 1805 году, когда ему было тридцать четыре. Это было время надежд и разочарований, когда молодые офицеры верили, что могут изменить мир, а старые генералы смеялись над их наивностью. Волконский быстро поднялся по иерархической лестнице, благодаря своему уму, связям и способности убеждать. Он стал мастером ложи, а затем и великим мастером, и его влияние росло с каждым годом.

Но он знал, что масонство — это лишь инструмент. Настоящая власть была там, за стенами дворца, там, где решались судьбы империи. И он был готов ждать.

Волконский впервые встретил Друцкого в 1810 году, на одном из масонских собраний, которое проходило в доме на Лиговском проспекте. Друцкой был тогда молодым, амбициозным графом, который только начинал свой путь к власти. Он говорил красиво и убедительно, и его глаза горели тем же огнем, что и у Волконского.

— Вы — князь Волконский? — спросил Друцкой, подходя к нему после собрания. — Я слышал о вас. Вы — великий мастер ложи. Вы — человек, который знает, как управлять людьми.

— Я — человек, который знает, как служить идее, — ответил Волконский, и его голос был ровным, как у человека, который привык взвешивать слова. — А вы, граф Друцкой, вы — человек, который знает, как использовать людей.

— Мы дополняем друг друга, — сказал Друцкой, и на его губах появилась та холодная, жестокая улыбка, которая была его визитной карточкой. — У нас есть общие цели. Мы хотим видеть Россию другой.

— Я хочу видеть Россию справедливой, — сказал Волконский, и его голос стал тверже. — А вы, граф? Что вы хотите?

— Я хочу власти, — сказал Друцкой, и его голос был холоден, как лед. — И я готов сделать все, чтобы получить ее.

С того дня они начали сотрудничать. Друцкой стал одним из самых близких союзников Волконского, его агентом и исполнителем. Он помогал ему собирать информацию, устанавливать связи и готовить почву для будущих перемен. Но у него были свои амбиции, и Волконский знал об этом.

Он знал, что Друцкой опасен. Он знал, что тот не остановится ни перед чем. Но он также знал, что Друцкой полезен. И он был готов использовать его, пока тот оставался под контролем.

Когда в 1814 году Друцкой был арестован и приговорен к ссылке, Волконский не вмешался. Он понимал, что это слишком рискованно — защищать человека, который был уличен в заговоре против императора. Он позволил Друцкому упасть, позволил ему исчезнуть в Сибири, и его совесть была спокойна. Он знал, что Друцкой выживет. Он знал, что тот вернется.

Но в ссылке Друцкой нашел новых союзников — декабристов, масонов, заговорщиков, которые разделяли его идеи.

Он узнал о сапфире, о настоящем камне, который был символом власти, и о том, что Миша Вронский спрятал его. И он понял, что это его шанс вернуться.

Волконский узнал об этом через своих агентов. Он узнал, что Друцкой готовит возвращение, что он ищет способ отомстить Вронскому и завладеть сапфиром. И он решил использовать это.

Он написал Друцкому предварительно перед встречей в ссылке письмо, в котором предложил ему сделку. Он предложил ему свободу в обмен на лояльность. И Друцкой согласился.

Почему Волконский решил помочь Друцкому? Причин было несколько.

Первая причина: сапфир.

Волконский знал о сапфире. Он знал, что это не просто камень — это символ власти, который может изменить судьбу России. Он знал, что тот, кто владеет им, может управлять не только Юсуповыми, но и всей империей. И он хотел завладеть им.

Вторая причина: Вронский.

Волконский видел в Мише Вронском угрозу. Он видел, как тот раскрыл заговор Друцкого, как он получил власть и влияние, как он стал главой тайной канцелярии. Он знал, что Вронский — человек, который не продается, который не идет на компромиссы. И он понимал, что Вронский будет стоять на его пути.

Третья причина: власть.

Волконский хотел власти. Он хотел контролировать Россию. Он верил, что только он может привести страну к свету, и он был готов использовать для этого любые средства. Друцкой был для него инструментом — опасным, но полезным. Он был готов рискнуть, чтобы получить то, что хотел.

Четвертая причина: личная обида.

Волконский не простил Вронскому его успеха. Он видел, как этот выскочка, сын управляющего, поднялся до высот, которые должны были принадлежать ему. Он видел, как Вронский получает награды, как его имя произносят с уважением, и это жгло его изнутри. Он хотел уничтожить его.

Когда Друцкой вернулся в Петербург, Волконский встретил его в своем особняке на Английской набережной. Они сидели в кабинете, обитом темно-зеленым бархатом, при свете камина, который отбрасывал длинные тени на стены.

— Я выполнил свою часть сделки, — сказал Волконский, и его голос был ровным, как у человека, который привык отдавать приказы. — Вы свободны. Теперь вы должны выполнить свою.

— Что вы хотите? — спросил Друцкой, и его голос был холоден, как лед.

— Я хочу сапфир, — сказал Волконский. — Я хочу, чтобы вы нашли его и принесли мне.

— Я найду его, — сказал Друцкой. — Я найду его, и я принесу его вам.

— Я хочу также, чтобы вы уничтожили Вронского, — сказал Волконский, и в его голосе была сталь. — Я хочу, чтобы он заплатил за все, что он сделал.

— Я уничтожу его, — сказал Друзкой, и в его глазах загорелся тот холодный, безумный огонь. — Я уничтожу его, и я сделаю это с удовольствием.

— Тогда у нас есть сделка, — сказал Волконский, протягивая ему руку.

Друзкой взял его руку, и их рукопожатие было холодным, как сталь.

Он знал, что Миша Вронский готовится к бою. Но он также знал, что это только начало. Он знал, что у него есть могущественный союзник — князь Волконский, что вместе они смогут уничтожить Вронского и завладеть сапфиром.

— Я вернулся, — прошептал он, и его голос был едва слышен. — Я вернулся, чтобы закончить то, что начал. Ты разбил стекло, но не убил меня. И теперь я приду за тобой.

Он улыбнулся — холодной, пустой улыбкой, которая не касалась его глаз, — и его тень на стене задвигалась, как живая, готовая нанести удар.

Глава 2. Смерть архивариуса

Осеннее утро в Александро-Невской лавре было холодным и сырым, как всегда, в Петербурге в это время года. Серое, низкое небо нависало над древними стенами монастыря, и мелкий, пронизывающий дождь моросил, не переставая, превращая каменные дорожки в скользкие, зеркальные полосы. В воздухе пахло ладаном, сыростью и увядающими листьями — запахами, которые смешивались в тот особенный, осенний аромат, который так хорошо знаком каждому, кто живет в северной столице.

Миша Вронский стоял у входа в лавру, в тени древних стен, и смотрел на толпу монахов и прихожан, которые собрались у главного входа. Его лицо было бледным, как всегда, и в его глазах, светлых, почти бесцветных, горел холодный, аналитический огонь — тот самый, который появлялся у него, когда он чувствовал приближение опасности.

Он был одет в темный, строгий сюртук, который почти сливался с серым светом утра, и высокие сапоги, которые защищали его от сырости. На его плечи был накинут тяжелый плащ, который он накинул, выходя из дома, и который теперь был мокрым от дождя. В его правой руке он сжимал трость — тонкую, черную, с серебряным набалдашником в виде головы волка — подарок Алешки после того, как тот увидел, что Миша начал хромать после одной из ночных вылазок.

Рядом с ним стоял Алешка Строганов, опираясь на свою трость из черного дерева. Его лицо было хмурым, как небо над головой, и его единственная рука сжимала трость так, что костяшки побелели. Он был одет в свой мундир сыщика особых поручений — темно-синий, с серебряными пуговицами, — и его глаза, карие, с золотистыми искорками, быстро скользили по толпе.

— Кто нашел тело? — спросил Миша, не оборачиваясь.

— Один из послушников, — ответил Алешка, и его голос был глухим, как у человека, который видел слишком много смертей. — Он пришел в архив, чтобы принести свечи, и нашел его на полу. Убит ударом в сердце. Оружие — тонкий кинжал. Смерть наступила мгновенно.

— Архив был закрыт? — спросил Миша.

— Заперт изнутри, — сказал Алешка. — Ключ был у архивариуса. Он лежал в его руке. Убийца или знал, как открыть дверь без ключа, или был внутри, когда архивариус заперся.

— Или убийца был знаком с архивариусом, — сказал Миша, и его голос стал тише. — Кто-то, кому он доверял. Кто-то, кто мог войти без подозрений.

Они прошли через ворота лавры и направились к зданию архива, которое стояло в глубине монастырского двора, скрытое за старыми, раскидистыми липами. Здание было старым, каменным, с маленькими окнами, которые выходили на глухую стену, и массивной дубовой дверью, которая

была приоткрыта.

Внутри архива пахло пылью, старой бумагой и смертью — тем особенным, сладковатым запахом, который появляется в помещениях, где кто-то умер. Миша вошел внутрь и остановился, давая глазам привыкнуть к полумраку.

Комната была небольшой, но ее стены были уставлены книжными шкафами до самого потолка, и они были заполнены фолиантами, рукописями, свитками, которые лежали в беспорядке. В центре комнаты стоял массивный стол из темного дуба, покрытый толстым слоем пыли, и на нем лежали старые книги, раскрытые на тех страницах, где были изображены древние письмена. На полу, у стола, лежало тело.

Миша подошел ближе и посмотрел на убитого. Это был старый монах, с седой бородой и лицом, изрезанным глубокими морщинами. Его глаза были широко открыты и смотрели в потолок, и в них застыло выражение удивления и страха. Его руки, тонкие и покрытые пятнами, были сжаты в кулаки, как будто он пытался защититься от удара. В его груди, чуть ниже сердца, зияла рана — тонкая, аккуратная, как от удара кинжалом.

Миша опустился на колени и начал осматривать тело. Его пальцы, худые и длинные, осторожно касались одежды монаха, проверяя карманы, ища улики. Он заметил, что на руке монаха, левой, на безымянном пальце, было кольцо — простое, серебряное, с выгравированной буквой «А». Он снял его и посмотрел на свет.

— Это кольцо его? — спросил он, поворачиваясь к Алешке.

— Мы не знаем, — ответил Алешка. — Мы не нашли никаких документов, которые могли бы идентифицировать его. Он был старым, и никто не знал, кто он был до того, как пришел в лавру.

Миша поднес кольцо к глазам и заметил, что на внутренней стороне кольца, под буквой «А», была выгравирована еще одна буква — «С». И еще одна, совсем маленькая — «Ф».

— Это не его кольцо, — сказал Миша, и его голос стал тверже. — Это кольцо принадлежит кому-то другому. Кому-то, кто был с ним до смерти.

— Дружкой? — спросил Алешка, и его голос стал напряженным.

— Возможно, — сказал Миша, пряча кольцо в карман. — Но я не уверен. Я должен проверить это.

Он встал и начал осматривать комнату. Он заметил, что на столе, рядом с раскрытыми книгами, лежала записка — небольшой листок бумаги, сложенный вчетверо, на котором было написано всего несколько слов. Он взял записку в руки и прочитал ее.

«Камень в изголовье. Тот, кто найдет, получит правду».

— Это написано не рукой монаха, — сказал Миша, и его голос стал тише. — Это написано кем-то другим.

— Значит, убийца искал что-то, — сказал Алешка. — Он

искал информацию о сапфире.

— Да, — сказал Миша. — И он нашел ее. Или думает, что нашел.

Он снова посмотрел на тело монаха, и в его глазах мелькнула холодная искра.

— Мы должны найти того, кто это сделал, — сказал он. — И мы должны найти его, прежде чем он найдет сапфир.

Через час Миша и Алешка сидели в кабинете настоятеля лавры — отца Феофана, старого, мудрого монаха с лицом, изрезанным морщинами, и пронзительными голубыми глазами, которые, казалось, видели сквозь время. Он был одет в простую черную рясу, и его руки, тонкие и покрытые пятнами, лежали на столе.

— Отец Феофан, — сказал Миша, и его голос был ровным, как у человека, который привык задавать вопросы. — Вы знали архивариуса?

— Знал, — ответил настоятель, и его голос был низким, как гул колокола. — Он был здесь уже много лет. Он был молчаливым и замкнутым, но он знал свое дело.

— Что он знал? — спросил Миша.

— Он знал историю, — сказал настоятель, и в его голосе была грусть. — Он знал историю этого места. Он знал историю рода Юсуповых. Он знал то, что другие забыли.

— Он знал о сапфире? — спросил Миша, и его голос стал тише.

Настоятель долго смотрел на него, и в его глазах мелькну-

ла искра.

— Вы знаете о сапфире? — спросил он, и его голос стал напряженным.

— Да, — сказал Миша. — Я знаю о нем, и я знаю, что он связан с проклятием рода Юсуповых.

— Тогда вы знаете больше, чем я, — сказал настоятель, и его голос стал усталым. — Я знал, что он хранит что-то, но я не знал, что именно. Он никогда не говорил мне. Он говорил, что это слишком опасно.

— Кто еще знал об этом? — спросил Миша.

— Никто, — сказал настоятель. — Только он. И я, возможно, тот, кто убил его.

Миша встал и посмотрел на настоятеля долгим, холодным взглядом.

— Я найду убийцу, — сказал он, и в его голосе была сталь. — Я найду его, и я остановлю его.

— Будьте осторожны, — сказал настоятель, и в его голосе была тревога. — Тот, кто убил его, не остановится ни перед чем. И он знает больше, чем вы думаете.

Той же ночью Миша вернулся в архив. Он знал, что убийца искал нечто конкретное, и он должен был найти это раньше него. Он зажег свечу и начал осматривать полки, перебирая книги, которые были разбросаны по столу.

Он заметил, что одна из книг — старая, в кожаном переплете, с выцветшим золотым тиснением — была открыта на странице, где была изображена карта лавры. На карте была

отмечена гробница основателя рода Юсуповых.

Миша взял книгу в руки и начал читать. Это была древняя летопись, написанная на церковнославянском языке, которая описывала историю лавры и всех, кто был похоронен в ней. На полях, рядом с гробницей Юсуповых, была сделана пометка — тонкая, почти невидимая, сделанная чернилами, которые выцвели от времени.

Он поднес свечу ближе и прочитал:

«Здесь покойся тот, кто унес тайну с собой. Но тайна не умерла. Она ждет своего часа».

Миша замер. Он знал, что это не просто слова. Это было указание. Указание на то, что сапфир был не просто спрятан, а охраняем. И что кто-то знал об этом.

Он закрыл книгу и спрятал ее в карман. Он знал, что должен найти того, кто убил архивариуса, и он должен найти сапфир, прежде чем это сделает убийца.

На следующее утро Миша встретился с Соней в ее школе на Васильевском острове. Она была одета в простое белое платье, которое делало ее похожей на ангела, и ее лицо было бледным, но спокойным.

— Ты слышал новость? — спросила она, и в ее глазах была тревога.

— О смерти архивариуса? — спросил Миша. — Да. Я слышал.

— Это Друцкой? — спросила она, и ее голос дрогнул.

— Я не знаю, — сказал Миша, и его голос был ровным.

— Но я знаю, что убийца искал сапфир. И он нашел что-то.

— Что? — спросила она.

— Он нашел указание на то, что сапфир был не просто спрятан, а охраняем, — сказал Миша. — И он знает, где он находится.

— Мы должны найти его, — сказала Соня, и в ее голосе была сталь. — Мы должны найти его, прежде чем он найдет сапфир.

— Мы найдем, — сказал Миша, и в его голосе была та же сталь, что и в детстве. — Мы найдем его.

В ту же ночь, в доме на Васильевском острове, Друцкой сидел в своем кабинете и перебирал бумаги, которые он нашел в архиве. Его лицо было бледным, как смерть, и в его глазах горел тот же холодный, безумный огонь, что и раньше. Свечи в серебряном подсвечнике горели неровно, отбрасывая дрожащие тени на стены, обитые темным бархатом, и на его лицо, которое казалось вырезанным из старой, пожелтевшей кости.

Он нашел то, что искал. Он нашел указание на то, где находится сапфир. Он знал, что он близок к своей цели. В его руках была карта лавры, на которой было отмечено место захоронения основателя рода Юсуповых, и он знал, что сапфир был спрятан там — в изголовье гробницы, замурованный в камень. Но это была лишь половина правды. Он также знал, что есть еще что-то — нечто, что было скрыто глубже, нечто, что могло дать ему власть над не только над сапфи-

ром, но и над самой судьбой России.

— Скоро, — прошептал он, и его голос был едва слышен, как дыхание ветра в старой трубе. — Скоро я найду его. И тогда никто не остановит меня.

Он улыбнулся — холодной, пустой улыбкой, которая не касалась его глаз, — и его тень на стене задвигалась, как живая, готовая нанести удар.

Но эта ночь не была обычной. Его мысли вернулись к тому, что он делал в последние дни, к тем слухам, которые распространялись по городу, к тем встречам, которые он проводил в тени, как призрак, который не хочет быть узнанным.

После возвращения из ссылки Друцкой не появлялся на людях. Он не посещал балы, не ходил в театры, не появлялся в светских салонах. Он стал тенью — невидимым, но все-таки существующим. Он знал, что его имя вызывает страх и ненависть, и он использовал это, чтобы действовать из тени.

Он поселился в доме на Васильевском острове, который принадлежал его старому знакомому, купцу-старообрядцу, который был должен ему крупную сумму. Дом был небольшим, с высокими окнами и тяжелыми дверями, и внутри пахло старым деревом, воском и чем-то сладковатым — как будто там когда-то жили духи. Друцкой редко выходил на улицу, когда он выходил, он делал это ночью, в простом плаще с капюшоном, который скрывал его лицо.

Он знал, что за ним следят. Он знал, что у Вронского есть агенты по всему городу. Но он также знал, что у него есть

свои люди — те, кто готовы рисковать ради денег, те, кто не боится тени, те, кто ненавидит власть так же сильно, как и он.

На Сенном рынке, где пахло рыбой, квашеной капустой и дешевым табаком, шептались торговки. Они стояли у своих прилавков, перебирая товар, и их голоса были тихими, как шум ветра в листве.

— Слышали? — говорила одна из них, толстая, с красным лицом и руками, которые вечно были мокрыми. — Граф вернулся. Тот самый, который убивал детей. Он теперь живет на Васильевском.

— Не может быть, — отвечала другая, худая, с острым носом и пронзительными глазами. — Его же сослали в Сибирь. Говорят, он там с ума сошел.

— Ничего он не сошел, — шептала первая, и в ее голосе была уверенность. — Он вернулся. Я сама видела его вчера ночью. Он шел по набережной, и его глаза горели, как у волка. Он ищет что-то. Говорят, он ищет камень.

— Какой камень? — спрашивала вторая.

— Не знаю, — отвечала первая. — Но говорят, что этот камень может убить императора. Или спасти его. Никто не знает. Но все знают, что граф хочет найти его.

Торговки замолкали, когда к их прилавку подходил покупатель, но их глаза продолжали говорить — они были полны страха и любопытства.

На Николаевском вокзале, где пахло углем, машинным маслом и потом, среди суеты и грохота, тоже говорили о

Дручком. Носильщики, перекидывая багаж, перешептывались между собой.

— Слышал? — говорил один, молодой, с лицом, покрытым угольной пылью. — Граф вернулся. Он теперь связан с какими-то людьми из Москвы. Говорят, они собираются устроить переворот.

— Брехня, — отвечал другой, старый, с седой бородой и морщинистым лицом. — Граф уже ничего не может. Он — развалина. Его время прошло.

— Не прошло, — настаивал первый. — Я сам видел, как он встречался с каким-то важным господином вчера вечером. Они говорили о каком-то камне. О каком-то сапфире.

— Сапфир? — переспрашивал старый, и в его голосе появлялось любопытство. — Это тот самый камень, который был у Юсуповых?

— Тот самый, — говорил первый. — И граф хочет его найти. Говорят, он может изменить все. Он может дать власть тому, кто его найдет.

— Глупости, — бормотал старый, но его глаза уже не были такими спокойными. — Все это глупости. Но я слышал, что в лавре убили старого монаха. Говорят, он знал о камне.

— Я тоже слышал, — говорил первый. — И говорят, что это сделал граф. Или его люди.

Носильщики расходились, и их голоса растворялись в шуме вокзала, но слух оставался — он передавался из уст в уста, от одного человека к другому.

В подпольных кабаках на Лиговском проспекте, где пахло кислым пивом, жареным луком и страхом, говорили о Друцком еще более откровенно. Здесь собирались те, кому было нечего терять — мелкие жулики, бывшие солдаты, пьяницы, которые жили на грани закона.

— Слышали про графа? — говорил один, с лицом, изрезанным шрамами, и руками, покрытыми татуировками. — Он теперь с Волконским. Говорят, они готовят что-то большое.

— Я слышал, — отвечал другой, с глазами, которые вечно бегали, как у человека, который боится быть пойманным. — Говорят, они хотят найти камень. Тот самый, который может дать власть над Россией.

— И что они будут делать? — спрашивал первый.

— Не знаю, — отвечал второй. — Но я знаю, что граф ищет помощников. Он платит хорошо. И он не спрашивает, откуда ты взялся и что ты сделал.

— А что нужно делать? — спрашивал первый.

— Нужно следить, — говорил второй. — Следить за людьми Вронского. За его друзьями. За его возлюбленной. И сообщать ему все, что они делают.

— Это опасно, — говорил первый, и в его голосе появлялась тревога.

— Опасно, — соглашался второй. — Но он платит хорошо. И он не прощает предателей.

Кабаки замолкали, когда входил незнакомец, но их голоса

продолжали звучать в головах тех, кто слышал их.

Друцкой встречался с Волконским регулярно — в доме на Английской набережной, в полночь, когда город спал. Они сидели в кабинете, обитом темно-зеленым бархатом, и говорили о том, что им нужно сделать.

— Камень найден? — спросил Волконский, и его голос был ровным, как у человека, который привык отдавать приказы.

— Почти, — ответил Друцкой, и его голос был холоден, как лед. — Я нашел указание на то, где он спрятан. Он в гробнице основателя рода Юсуповых, в изголовье.

— И что нам нужно сделать? — спросил Волконский.

— Нам нужно войти в лавру, — сказал Друцкой. — Нам нужно открыть гробницу и забрать камень.

— Это будет сложно, — сказал Волконский, и в его голосе была тревога. — Лавра охраняется. Там есть монахи, которые знают о камне.

— Я уже позаботился об этом, — сказал Друцкой, и его голос стал еще холоднее. — Архивариус мертв. Он больше никому не расскажет о камне.

Волконский долго смотрел на него, и в его глазах мелькнула искра — не удивления, а уважения.

— Вы действуете быстро, — сказал он. — Это хорошо.

— Я действую так, как нужно, — сказал Друцкой, и в его голосе была сталь. — Я не буду ждать. Я хочу получить камень и уничтожить Вронского.

— Вы получите его, — сказал Волконский. — Я обещаю вам.

Они сидели в темноте, и их тени на стене сливались в одну — огромную, темную, которая была готова нанести удар.

Вернувшись в свой дом на Васильевском острове, Друцкой не мог уснуть. Он сидел у окна, глядя на Неву, которая блестела под луной, и его мысли были заняты сапфиром. Он знал, что это не просто камень. Это был ключ к власти. Ключ к тому, чтобы изменить все, что он потерял.

Он вспоминал свою ссылку — холод, голод, унижение. Он вспоминал, как его били, как его унижали, как его заставляли работать наравне с уголовниками. И он чувствовал, как ненависть поднимается в его груди, как она заполняет его тело, как она становится его единственной целью.

Он знал, что он не остановится. Он знал, что он сделает все, чтобы найти сапфир. И он знал, что он уничтожит Вронского, чего бы это ни стоило.

— Я найду тебя, — прошептал он, и его голос был холоден, как лед. — Я найду тебя, Вронский. И я уничтожу тебя.

Он улыбнулся — холодной, пустой улыбкой, которая не касалась его глаз, — и его тень на стене задвигалась, как живая, готовая нанести удар.

Он знал, что это только начало. Но он также знал, что он готов. Он готов к финальной битве.

Глава 3. Соня и ее школа

Осеннее утро в школе на Васильевском острове начиналось всегда одинаково: с запаха свежего хлеба, который пекли в маленькой пекарне на первом этаже, с тихих голосов детей, которые учились говорить, и с мягкого, серого света, который проникал через высокие окна. Школа Сони была небольшим, но уютным зданием с высокими потолками и светлыми комнатами, где пахло деревом, книгами и надеждой. Здесь было тихо — не той гнетущей тишиной, которая царила в доме Юсуповых, а той особенной, творческой тишиной, которая бывает в местах, где рождается что-то новое.

Соня Юсупова стояла у окна в своем кабинете, глядя на детей, которые играли во дворе. Они бегали, смеялись — насколько могли смеяться те, кто еще не научился говорить, — и их лица были полны жизни. Она чувствовала, как ее сердце наполняется теплом, когда она смотрела на них. Это была ее жизнь, ее призвание, ее смысл.

Она была одета в простое платье из светло-серого муслина, с высоким воротником и длинными рукавами. Ее волосы, темные и блестящие, были убраны в простую прическу, и на ее лице, бледном, но спокойном, застыла та особенная, тихая улыбка, которая появлялась у нее, когда она думала о своих учениках. Она выглядела уставшей, но счастливой — как человек, который нашел свое место в этом мире.

В комнату вошел Миша. Он был одет в свой обычный темный сюртук, с плащом на плечах, и его лицо было напряженным, как у человека, который знает, что скоро произойдет что-то плохое.

— Соня, — сказал он, и его голос был тихим, но твердым. — Я должен поговорить с тобой.

— Что случилось? — спросила она, поворачиваясь к нему. В ее глазах мелькнула тревога.

— У меня есть новости, — сказал Миша. — И они не из приятных.

Он подошел к столу и положил на него письмо — официальный документ, запечатанный сургучом, с гербом городской управы.

— Это пришло сегодня утром, — сказал он. — Кто-то подал жалобу на твою школу. Они обвиняют тебя в «распространении опасных идей». Они говорят, что ты учишь детей бунтовать, что ты подрываешь основы государства.

Соня побледнела. Она взяла письмо в руки и прочитала его. Ее пальцы дрожали, когда она перечитывала строки, и ее глаза расширились от ужаса.

— Это ложь, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Я не учу их бунтовать. Я учу их говорить. Я учу их жить.

— Я знаю, — сказал Миша, и его голос стал тверже. — Я знаю, что это ложь. Но кто-то хочет закрыть твою школу. И я знаю, кто это.

— Дружкой, — прошептала Соня, и в ее голосе была смесь

страха и гнева.

— Да, — сказал Миша. — Это Друцкой. Он действует через своих людей в городской управе. Он хочет ударить по тебе, чтобы добраться до меня.

— Что мы будем делать? — спросила Соня, и ее голос стал тверже.

— Мы будем бороться, — сказал Миша, и в его голосе была сталь. — Мы не отдадим твою школу. Мы найдем способ остановить их.

Они смотрели друг на друга, и в их глазах была та же решимость, что и в детстве. Они знали, что их борьба только начинается. Но они также знали, что они вместе.

В следующие дни Миша и Соня боролись за школу. Они подали апелляции, встретились с чиновниками, собрали подписи родителей. Но каждый раз их встречала стена бюрократического молчания. Кто-то высокий, кто-то с большими связями, блокировал все их усилия.

Миша сидел в своем кабинете и перебирал бумаги. Его лицо было бледным, как всегда, и в его глазах горел холодный, аналитический огонь. Он искал способ остановить Друцкого, найти слабое место в его плане.

— Я знаю, что он делает, — сказал он Алешке, который стоял у камина, опираясь на свою трость. — Он ударяет по Соне, чтобы добраться до меня. Он знает, что я не могу позволить ей пострадать.

— И что ты будешь делать? — спросил Алешка, и его го-

лос был напряженным.

— Я найду способ остановить его, — сказал Миша, и в его голосе была сталь. — Я найду того, кто дает ему возможность действовать. И я разоблачу его.

Он встал из-за стола и подошел к окну. Дождь стекал по стеклу, и за ним мир казался размытым, как сон.

— Я должен идти в управу, — сказал он. — Я должен поговорить с главой. Я должен найти способ остановить эту атаку.

— Я пойду с тобой, — сказал Алешка, и его голос был тверд.

— Нет, — сказал Миша, качая головой. — Ты должен остаться здесь. Я хочу, чтобы ты следил за Соней. Я хочу, чтобы ты защищал ее. Если Друцкой попытается ударить физически, ты должен быть рядом.

Алешка кивнул, и в его глазах была та же сталь, что и у Миши.

— Я буду охранять ее, — сказал он. — Клянусь своей жизнью.

Через час Миша стоял в кабинете главы городской управы — Петра Андреевича Соловьева, пожилого, седого чиновника с лицом, изрезанным морщинами, и усталыми глазами, которые, казалось, видели слишком много. Он был одет в строгий мундир с золотыми пуговицами, и его руки, длинные и сухие, лежали на столе, как старые, высохшие ветки.

— Господин Вронский, — сказал Соловьев, и его голос

был сухим, как пергамент. — Я знаю, почему вы здесь. Вы пришли из-за школы.

— Да, — сказал Миша, и его голос был ровным. — Я пришел, чтобы спросить вас, на каких основаниях вы собираетесь закрыть ее.

— На основании жалобы, — сказал Соловьев, и его голос был спокоен. — Жалобы, которая была подана в управу.

— Я хочу знать, кто подал эту жалобу, — сказал Миша, и его голос стал холоднее.

— Я не могу сказать вам это, — сказал Соловьев, и в его голосе появилась осторожность. — Это конфиденциальная информация.

— Я понимаю, — сказал Миша, и его голос стал еще холоднее. — Но я также знаю, что эта жалоба — ложь. И я знаю, кто за ней стоит. Это граф Друцкой.

Соловьев побледнел. Его глаза расширились, и он откинулся на спинку стула, как будто Миша ударил его.

— Откуда вы знаете? — спросил он, и его голос дрогнул.

— Я знаю, потому что он мой враг, — сказал Миша. — И он хочет уничтожить меня через людей, которых я люблю.

— Я не могу помочь вам, — сказал Соловьев, и его голос стал тише. — У меня нет власти над этим делом.

— Я знаю, — сказал Миша. — Но я прошу вас только об одном: дайте мне время. Дайте мне найти доказательства того, что эта жалоба — ложь.

Соловьев долго смотрел на него, и в его глазах мелькнула

искра — не страха, а уважения.

— У вас есть неделя, — сказал он. — Я даю вам неделю, чтобы найти доказательства. Если вы не найдете их, школа будет закрыта.

— Я найду, — сказал Миша, и в его голосе была сталь. — Я найду их, чего бы это ни стоило.

Той же ночью Миша пришел в школу на Васильевском острове. Он хотел поговорить с Соней, когда он вошел в здание, он увидел, что она сидит в классе, среди детей, которые уже спали, положив головы на парты. Она была одна, и ее лицо было бледным, как у призрака.

— Соня, — сказал он, подходя к ней. — Ты должна отдохнуть.

— Я не могу, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Я не могу спать, когда знаю, что моя школа может быть закрыта.

— Я найду способ остановить это, — сказал Миша, садясь рядом с ней. — Я обещаю тебе.

— Я знаю, — сказала она, и в ее глазах были слезы. — Я знаю, что ты сделаешь все, чтобы помочь мне. Но я боюсь, Миша. Я боюсь, что мы не сможем победить.

— Мы победим, — сказал он, и в его голосе была уверенность. — Мы всегда побеждали. Мы победим и сейчас.

Она посмотрела на него, и в ее глазах мелькнула искра надежды.

— Ты веришь в это? — спросила она.

— Я верю, — сказал он. — Я верю в нас. Я верю в то, что

мы делаем. И я верю, что правда на нашей стороне.

Они сидели в тишине, в окружении спящих детей, и знали, что их борьба только начинается. Но они также знали, что они вместе.

На следующее утро Миша начал расследование. Он искал доказательства того, что жалоба на школу была ложной. Он нашел свидетелей, которые видели, как люди Друцкого подкупали чиновников. Он нашел документы, которые доказывали, что жалоба была сфабрикована. Он нашел имя того, кто стоял за всем этим.

Он сидел в своем кабинете, перебирая бумаги, и его лицо было бледным, но спокойным. Он знал, что он нашел ключ к разгадке. Он знал, что он может остановить Друцкого.

— Я нашел его, — сказал он Алешке, который стоял у камина. — Я нашел того, кто стоит за всем этим. Это князь Волконский. Он использует свои связи, чтобы помочь Друцкому.

— Что мы будем делать? — спросил Алешка.

— Мы будем действовать, — сказал Миша, и в его голосе была сталь. — Мы разоблачим его. Мы покажем всем, что он делает. И мы остановим его.

Он встал из-за стола и подошел к окну. Дождь все еще шел, но в облаках уже появился просвет — как знак того, что буря скоро закончится.

В ту же ночь, в доме на Васильевском острове, Друцкой сидел в своем кабинете и перебирал бумаги. Его лицо было

бледным, как смерть, и в его глазах горел тот же холодный, безумный огонь, что и раньше. Свечи в серебряном подсвечнике горели неровно, отбрасывая дрожащие тени на стены, обитые темным бархатом, и на его лицо, которое казалось вырезанным из старой, пожелтевшей кости.

Он знал, что Миша нашел доказательства. Он знал, что его план провалился. Но он также знал, что это только начало. В его руках были письма, которые он писал в последние недели, — письма, которые должны были разрушить школу Сони, раздавить ее, как цветок под сапогом. Он перебирал их, перечитывая строки, которые были написаны его рукой, и чувствовал, как холодное удовлетворение разливается по его жилам.

— Ты думаешь, что победил, Вронский? — прошептал он, и его голос был едва слышен, как дыхание ветра в старой трубе. — Ты ошибся. Это только начало. Я еще вернусь. Я еще отомщу.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, позволив воспоминаниям захлестнуть его. В его голове всплыли картины последних недель — встречи, письма, подкупленные чиновники, система, которую он создал, чтобы уничтожить школу Сони.

План по закрытию школы родился у Друцкого не сразу. Это была не вспышка гнева, а холодный, расчетливый замысел, который он вынашивал неделями. Он знал, что школа Сони была ее сердцем, ее душой, ее причиной жить. Он знал,

если он уничтожит ее, он нанесет Мише удар, от которого тот не оправится.

Но для этого ему нужны были люди — люди, которые помогли бы ему обойти закон, люди, которые имели власть и влияние в городской управе. И он нашел такого человека.

Его звали Петр Андреевич Соловьев, и он был главой городской управы. Соловьев был старым, усталым чиновником, который провел в кресле главы управы двадцать лет. Он был известен своей осторожностью, своей способностью лавировать между интересами разных групп и никогда не принимать сторону, которая могла проиграть. Но у него был один секрет, который он тщательно скрывал: он был должен крупную сумму одному из ростовщиков, и его карьера, его семья, его репутация — все было под угрозой.

Именно эту слабость использовал Друцкой. Он подкупил ростовщика, выкупил долг Соловьева и сделал его своим должником. Теперь Соловьев был у него в руках, и он мог требовать от него все, что хотел.

Соловьев был потомком старинного, но обедневшего дворянского рода. Его отец промотал состояние на картах и женщинах, и Петр Андреевич с детства знал, что такое нужда и унижение. Он пошел на государственную службу, потому что это был единственный способ выжить, и он делал карьеру медленно, но уверенно, шаг за шагом, осторожно, как человек, который идет по тонкому льду.

Он был честным в том смысле, в каком честными могут

быть чиновники — он не брал больших взяток, не покровительствовал явным преступникам, не нарушал закон, когда это могло быть замечено. Но он был слаб. Он боялся потерять свое место, боялся, что его секреты станут известны, боялся, что его семья окажется на улице. И когда Друзцкой появился в его кабинете с предложением, от которого невозможно было отказаться, он не нашел в себе силы сказать «нет».

— Господин Соловьев, — сказал тогда Друзцкой, и его голос был мягким, как шелк, но в нем чувствовалась сталь. — Я знаю о ваших трудностях. Я знаю, что вы должны крупную сумму одному из самых жестоких ростовщиков в Петербурге.

— Откуда вы знаете? — спросил Соловьев, и его лицо побледнело.

— Я многое знаю, — сказал Друзцкой, и на его губах появилась та холодная, пустая улыбка. — Я знаю, что ваша жена больна, что ваши дети нуждаются в образовании, что ваша карьера висит на волоске. Я знаю все.

— Чего вы хотите? — спросил Соловьев, и его голос дрогнул.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне закрыть одну школу, — сказал Друзцкой. — Небольшую школу на Васильевском острове. Она принадлежит Софье Николаевне Юсуповой. Она учит детей, которые не могут говорить. И она учит их опасным идеям.

— Это неправда, — сказал Соловьев, и его голос стал тверже. — Я знаю эту школу. Она не учит опасным идеям.

— Это правда, — сказал Друцкой, и его голос стал холоднее. — Я видел доказательства. Я видел, что она учит детей бунтовать, учит их ненавидеть власть, учит их разрушать империю.

— Это ложь, — сказал Соловьев, и в его голосе было отчаяние.

— Это правда, — повторил Друцкой, и его голос стал еще холоднее. — И вы поможете мне закрыть ее. Или я расскажу всем о ваших долгах. И ваша карьера закончится. Ваша семья будет унижена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.